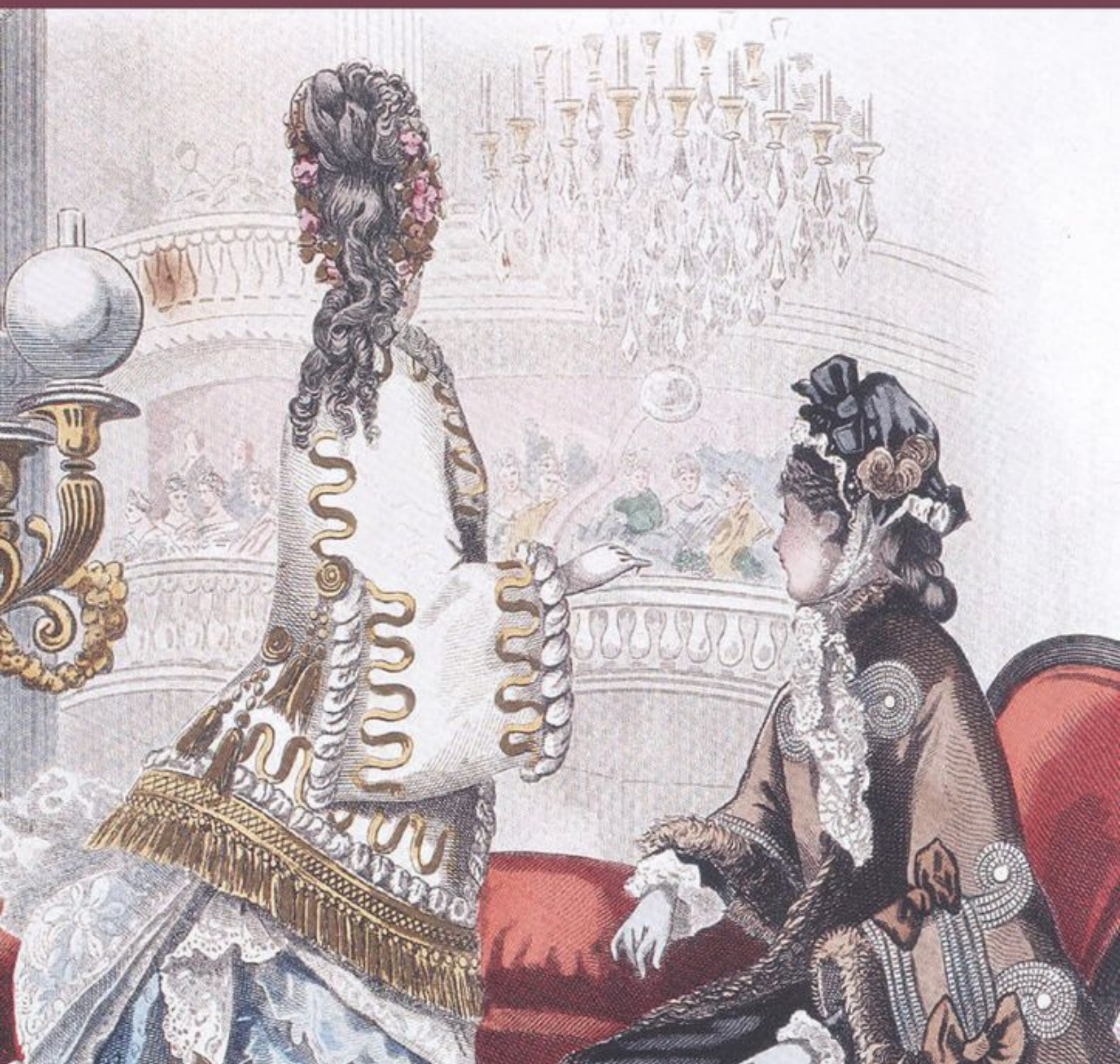

18+

Юлия Лучаева

Три имени Жанны

Часть 1. Леди Джейн

Юлия Лучаева

**Три имени Жанны.
Часть 1. Леди Джейн**

«Издательские решения»

Лучаева Ю.

Три имени Жанны. Часть 1. Леди Джейн / Ю. Лучаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644287-0

Париж 1870 года. Накануне последней войны Наполеона граф де Леви узнаёт, что его дочь Жюли влюблена в прусского шпиона. Неизбежность войны толкает отца на крайние меры: он отправляет свою дочь в Англию, к родственникам. Однако брат графа скоропостижно скончался, и теперь ничто не может спасти бедную Жюли от опасности. Найдутся ли для нее дом и защита в Англии, а возможно и защитник? Легко ли будет разведкам Пруссии и Великобритании получать информацию, если в это вмешается настоящая любовь?

ISBN 978-5-00-644287-0

© Лучаева Ю.
© Издательские решения

Содержание

Три имени Жанны	6
Книга 1	7
Леди Джейн	8
Пролог	8
Глава 1	21
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Три имени Жанны

Часть 1. Леди Джейн

Юлия Лучаева

© Юлия Лучаева, 2024

ISBN 978-5-0064-4287-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0064-4288-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три имени Жанны

Книга 1

Леди Джейн

Пролог

Преподобная мать Жанна, настоятельница монастыря бенедиктинок, столетиями объединявшего под своими сводами несколько разных по времени и направлению учений, пока строгая рука папы Бонифация не отдала здание монастыря на окраине Руана строгой бенедиктинской общине, сидела в своем кабинете, расположенном в пристройке к стенам монастыря снаружи него, в полном недоумении переводя взгляд с растерянного инспектора полиции господина Риго на журналиста из газеты *Le Petit Journal* месье Ренана, застывших перед ее столом по стойке смирно. Один из них держал в руках блокнот и карандаш, второй – протокол на семи листах, а позади них на простой деревянной лавке у стены сидели четыре монашки ее прихода, исподтишка толкаясь и вырывая друг у друга из рук мятый и грязный апостольник, обнаживший всклокоченные спутанные кудри одной из них.¹

Не будучи до конца уверенной в том, что происходящее свершается наяву и в ее присутствии, настоятельница не спешила выпускать на лицо свое строгость или гнев. Она отстраненно и как о чем-то, никоим образом не связанным с ее монастырем, уже в четвертый раз слушала историю, которая привела в ее обитель представителей власти и прессы с невероятным рассказом о драке, учиненной ее монахинями в Руанском музее изящных искусств возле статуи «Сатир и нимфа» работы господина Теодора Жерико.

Если верить протоколу, то четыре ее монахини – сестры Бернадетт, Генриетта, Жаклин и Анна – сегодня в два часа пополудни, отправившись в Руан за новыми семенами моркови в лавку семян на улице Донжон, ту, что возле башни Святой Жанны д'Арк, после закупки решили посетить недавно торжественно открытый Музей изящных искусств, для чего приобрели четыре входных билета. Войдя в здание музея, монахини поначалу спокойно созерцали картины великих мастеров эпохи Возрождения, но возле картины «Бичевание Христа» анонимного автора между ними возник философский диспут о необходимости в наличии у Христа, изображенного на полотне, одежды. Ученый спор привлек внимание других посетителей музея, что спустя четверть часа раскололо общество на два лагеря, доведя некоторых почтенных граждан до непривычного месту и ситуации исступления. Одни, в лице господина Дюбуа, требовали немедленно закрасить черной краской на картине место с детородным органом, другие, в лице госпожи Морель, – пририсовать Христу всю недостающую одежду, третьи, в лице господина Тома, – ничего не трогать, а, напротив, пририсовать Христу скрытый предмет спора. Вдова господина Леру от волнения упала в обморок.

Смотрители музея, едва разняв начавшуюся драку сторонников разных мнений, попросили монахинь пройти в соседний зал, где посетителей было меньше и располагались античные скульптуры. Немного придя в себя, монахини продолжили осмотр артефактов, однако и там возле мраморной статуи Теодора Жерико «Сатир и нимфа» они не пришли к единому мнению относительно того, чем именно заняты упомянутые древние персонажи, но сошлись во мнении, что срам необходимо прикрыть. Обсуждая это, они вновь начали диспут, на который сбегались посетители музея из других залов. Сестра Бернадетт в невежливой форме предложила сестре Анне, как стороннице укрытия чресел скульптуры, своим телом прикрыть богохульство и остаться стоять тут вместо возвращения в монастырь. Сестра Анна в ответ пообещала снять с сестры Бернадетт сутану и прикрыть непристойную скульптуру полностью. Госпожа Морель

¹ «Маленькая газета» (фр) – скандальные хроники Франции, ежедневная газета с 1865г

пообещала свою поддержку сестре Анне, а господин Тома и господин Дюбуа подошли к сестре Бернадетт, чтобы битва была хоть немного равной. Вдова господина Леру упала в обморок.

Видя, что сестры Бернадетт и Анна снова ведут себя неподобающе, сестры Генриетта и Жаклин устремились к выходу, но сестра Бернадетт догнала их и, пытаясь остановить, дернула за апостольник сестру Жаклин, получив в ответ удар мешком с семенами моркови, который причинил скорее моральный, нежели физический урон. Схватив апостольник сестры Жаклин, сестра Бернадетт победно прикрыла им то самое место в скульптуре «Сатира и нимфы», которое стало предметом их спора. Но сестра Жаклин, уязвленная неподобающим обращением со священной одеждой, толкнула сестру Бернадетт так, что та упала прямо в совершенно неприличные объятия другой скульптуры – лежащего «Генерала Боншана» работы Пьера-Жана Давида. Всё общество замерло; господа Дюбуа, Моррель и Тома, стоявшие ближе всех, охнули. Вдова господина Леру упала в обморок. Где-то заплакал ребенок.

За скандал в общественном месте, причинение урона репутации музея, нанесение легкого морального вреда господам Тома, Дюбуа и Моррелю, тяжелого вреда здоровью госпоже Леру и невозполнимой душевной травмы ребенку госпожи Жувене полиция прибегла к задержанию вышеупомянутых монахинь, но, учитывая их сан и статус, перенаправила в монастырь для определения меры наказания с конвоем в лице инспектора полиции господина Риго. Для удовлетворения справедливого гнева общественности вместе с инспектором был направлен журналист газеты *Le Petit Journal* месье Ренан.

Уже после третьего чтения протокола господин Ренан вместо праведного гнева на поведение монахинь в общественном месте проникся благоговейным ужасом, ибо часто писал очерки о событиях в Церкви и понял, чем все это закончится для самих монахинь. Инспектор Риго был человеком глубоко верующим и всегда испытывал почтенный трепет перед священниками, а тут – преподобная мать Жанна, настоятельница монастыря бенедиктинок, а он пришел в священную обитель с такими новостями...

Устав от попыток осмыслить произошедшее, настоятельница, приподняв брови, наконец-то сложила руки в замок и сказала:

– Что ж... – и было в этом «что ж...» нечто настолько многообещающее, что сестры на галерке вдруг закончили толкаться, замерли и на всякий случай зажмурились. Подглядывала только сестра Бернадетт. Инспектор и журналист перестали дышать. А преподобная мать Жанна спокойным и очень твердым голосом, на какой только была способна, подвела итог, обращаясь к представителю полиции:

– Господин Риго, Господь вознаградит вас за терпение и такт, который вы проявили в решении этой непростой ситуации, связанной с наших монахинь. *перегревом*

– Перегревом? – не поверил своим ушам инспектор.

На галерке кто-то хихикнул, но мать Жанна терпеливо продолжила:

– Ранняя весна привела к тому, что жара подействовала на умы невинных душ, а дьявол лишь воспользовался их главной слабостью: рвением к благочестию! Действуя во имя Любви, разве могли эти невинные создания, отрекшиеся от имен земных, от всего земного во имя служения Всевышнему, заплатившие такую высокую цену за свое искреннее желание уберечь горожан от растления, совершить хоть что-то неугодное Господу? – громом прогремел зычный голос матери Жанны, рассыпаясь на тысячи осколков гулкому эху у сводов высокого потолка.

Инспектор и репортер машинально оглянулись на проказниц, которые вот-вот должны были избежать сурового наказания. Те сидели не шевелясь и не моргая. Сейчас, когда вершилась их дальнейшая судьба, они были смиренны и почтительны.

Мать Жанна обратилась к представителю прессы:

– И вас, господин Ренан, Господь не предаст в милости – неужели Он оставит без внимания столь внимательного и глубоко переживающего за мораль общества журналиста, как вы?

Мать Жанна наконец-то перевела взгляд своих ледяных голубых глаз на галерку, где в онемении сидели виновницы этого происшествия, и, увидев в них весь вселенский ужас и безысходную скорбь, удовлетворенно кивнула сама себе, произнеся громогласно:

– А эти заблудшие души, эти агнцы Божьи, пошедшие за своей верой на заклятие в мир, которому служат молитвами денно и нощно, имеют право на оправдание, ибо уже раскаялись и выдержат любое наказание, – тут она снова повернулась к инспектору Риго, – которое им назначит папа, естественно.

– Папа? – сглотнув, переспросили инспектор и репортер.

Галерка вдохнула.

– Папа! – уверенно подтвердила мать Жанна. – А кто же еще?

Сестра Бернадетт упала в обморок.

Сойдясь с инспектором и репортером в том, что суд папы над виновными будет строг, но справедлив, мать Жанна забрала у них протокол и блокнот, надиктовав каждому нужные слова, объясняющие истинную суть произошедшего. После их ухода, снова сложив руки в замок, она обратилась к монахиням, за это время и нахлобучившим апостольник обратно на сопротивляющуюся сестру Жаклин, и вернувшим к жизни впечатлительную сестру Бернадетт. Вместо ожидаемого «что ж...» она громогласно возвестила:

– Все четверо убираете нужники. Год. И за пределы монастыря – ни шагу! Тоже год. И если хоть одна из вас будет роптать, я донесу папе, и вас будет ждать иное наказание. Свободны!

Монахинь сдуло с лавки, и их шаги растаяли в надвигающейся темноте вечера. Поздние ночи начала мая давали за день случиться такому количеству событий, что мать Жанна не успевала и осмыслить произошедшее, как монастырь вместо покоя и службы Господу подбрасывал новое дело, вынуждающее ее хлопотать о нем.

Встав у окна своего кабинета, эта гордая красивая женщина, всего десять лет назад так неудачно сказавшая «нет» императору Франции и заплатившая за это своей свободой, безутешно посмотрела на берег Сены. Она вынуждена была назвать себя другим именем, отказаться от всего, что любила, и от всех, кто был дорог... «Теперь так будет всегда... Господи, Ты видишь это?!» – в ужасе подумала она, но уже спустя минуту взяла себя в руки и вернулась к своим ежедневным хлопотам: нужно было готовиться к всенощной службе, за которой шли и другие. Все прелести, которые можно было разглядеть из ее кабинета на многие лье вокруг в этом уголке Нормандии, – лишь высокие берега долины, волны реки, приглушенные темнеющим небесным светом, и насыпи речного песка, плавно стекающего в воды Сены.

Даль горизонта благодаря наступлению ночи придвигалась все более, прокладывая путь тьме, когда мать Жанна снова вышла навстречу поздним гостям и, лично распорядившись о лошадях и карете покорно ступавшей за ней сестре Анне, проводила путешественников в монастырские покои. Шествуя за ней по темным лабиринтам коридоров и лестниц, из-под своих капюшонов ночные гости могли рассмотреть лишь высокие своды, уходящие своими вершинами в темноту, которая из-за плохого освещения будто проникла внутрь здания и заняла все свободные ниши. Лестницы были без перил, и один из путников споткнулся, спеша успеть за остальной процессией. Наконец они вошли в некое подобие гостиной, и настоятельница предложила им расположиться.

Путешественники освободились от плащей, и перед лицом матери Жанны предстали мужчина лет пятидесяти и девушка лет восемнадцати. Вид у них был довольно контрастный: мужчина выглядел напряженным и уставшим, тогда как его спутница, в чертах которой можно было угадать внешнее родство с ним, вела себя вольно и расслабленно. Оба были обладателями невысокого роста и больших черных глаз миндалевидной формы.

Мужчина остался стоять, а девушка опустилась в кресло, лишь только он заговорил:

– Мадам, я – граф де Леви, а эта девушка – моя дочь Жанна-Гиацинта де Леви. Мы зовем ее Жюли, так ее называла ее усопшая мать. Вот рекомендательные письма от герцога Гиза. – Он протянул настоятельнице пакет.

Та, лишь взглянув на подпись, подняла на графа глаза, полные участия и сострадания:

– Мы ждали вас, месье, и готовы оказать вам любую помощь. Мой... рекомендовал вас – я готова помочь всем, чем смогу. *родственник*

Опустив взгляд в сторону, будто он сам не хотел делать того, что совершает, граф де Леви продолжил, делая ударения и паузы так, будто придавливал камень на камень, возводя непреодолимую стену возле себя:

– Я прошу вас, преподобная мать Жанна, приютить мою дочь, пока я буду устраивать дела Франции... Мне известно, что ваш монастырь готовит девушек к замужеству, и я привез свое дитя в том возрасте, в котором его воспитанницы покидают эти священные стены. Жюли необходимо убежище от интриг. Бедняжка осталась сиротой в раннем младенчестве. Надеюсь, пребывание под вашей опекой вернет ее на истинный путь.

Настоятельница, не изменившись в лице и не переводя взгляда на пораженную Жюли, любезно ответила графу:

– Мой долг – нести добродетель, граф. Конечно же, я с радостью выполню вашу просьбу, и ваша дочь пробудет здесь столько, сколько вам необходимо. Будут ли у вас какие-либо пожелания?

Немного расслабившись и радуясь своим оправданным ожиданиям, граф де Леви продолжил, избегая встречаться взглядом со своей дочерью:

– Я хочу, чтобы моя дочь как можно меньше была одна. Но в то же время за ней нужен особенный присмотр: Жюли умна, слишком начитана, избалована светом, эксцентрично понимает личную свободу и во имя великой любви способна сбежать.

– То есть этот монастырь – моя тюрьма?! – с гневом воскликнула девушка, вскакивая с кресла и подавшись вперед всем своим естеством. Казалось, еще немного, и она взорвется, разлетевшись на тысячи искр.

Всплеск эмоций юной графини де Леви так потряс настоятельницу, что та отшатнулась от нее, вначале показавшейся юной тихой овечкой, пока сидела на краешке кресла и разглядывала узор ковра.

– Этот монастырь – ваше спасение, мадемуазель, – ответил граф, совершенно не переменявшись ни лицом, ни голосом. Несомненно, он хорошо знал, как себя вести в подобной ситуации.

Жюли опустила голову и еле выдавила из себя:

– Что ж... вы оказались хитрее меня, браво...

Довольный быстрой победой, граф повернулся к настоятельнице и продолжил:

– Мое дитя вспыльчиво, и я просил бы вас держать от нее подальше острые предметы... а уж закрывать ли вам окна ее кельи решетками – решайте сами; иногда графиня бывает сущим демоном. Обитель Господа уберезет ее и возвратит ей смирение и кротость, я уповаю на это.

Настоятельница напряженно кивала в такт словам графа, и он продолжил:

– Герцог предупредил вас в письме, которым вы пренебрегли, сверив лишь подпись, что графиня де Леви – хлопотный гость, но все наши труды бывают вознаграждены, если они праведны. Тройное пожертвование на строительство нового прихода и возмещение всех расходов на пребывание графини де Леви в этих стенах инкогнито покроет беспокойство, которое мы принесли вам. Это всё, что я хотел сообщить.

С опаской глядела настоятельница на молодую графию, которая сидела с самым невозмутимым видом, скрестив руки на груди, и, казалось, совершенно не слушала их разговор. Но по закушенной губе и ножке, постукивающей по полу, можно было догадаться, что происходящее ей не по нраву. Однако графу любезно и уже не очень уверенно было отвечено:

– Все ваши указания будут выполнены; будьте спокойны за свое дитя.

Граф так же любезно раскланялся:

– Вот и отлично. Я не задержусь здесь более ни минуты. – На этой фразе юная графиня не смогла сдержать вздох.

Настоятельница попрощалась с графом и, велев Жюли ожидать ее в этой комнате, вышла, чтобы дать отцу попрощаться со своей дочерью. Жюли тоже встала перед отцом, не поднимая головы, так, словно пыталась преградить ему путь для побега из этой темницы, не дав ему оставить ее здесь одну.

– Жюли, сокровище мое...

– Воистину – сокровище! Драгоценность, которую можно уберечь, только спрятав...

Граф также опустил взгляд. Теперь, оставшись с дочерью один на один, он словно потерял свои твердость и мощь: плечи его поникли так же, как голова сама опустилась ниже. Он больше не казался уверенным, сильным и деятельным – только уставшим, изможденным, тревожным. Будто и вправду, как пират, прятал сокровище после долгих скитаний, найдя единственно возможное хранилище тому, что скопил за всю жизнь.

– Если бы я мог рассказать вам, почему я так поступаю, вы бы поняли меня.

– Так расскажите! Я бесконечно занимаюсь тем, что понимаю вас! Весьма увлекательное занятие, ибо вы никогда не объясняете своих поступков! – И Жюли, видя его нежелание объясняться, в гневе отвернулась от отца, встав к нему спиной. – Уезжайте, пока я не наговорила вам дерзостей!

Граф вспыхнул. Было ли это чувство гневом, яростью, отеческой заботой или чем-то еще, неясно, но теперь в одной келье монастыря полыхало два костра, и одному из них там было не место.

В спину дочери граф де Леви бросил:

– Вечная спорщица и бунтарка! Прощайте и ведите себя достойно, – и вышел в темноту коридоров монастыря.

Жюли вздрогнула от хлопка закрывающейся двери и сквозь зубы процедила:

– Храни вас Господь... – и было непонятно, проклинает она этим своего отца или желает ему блага.

Вскоре вернулась настоятельница и с некоторым напряжением в голосе пригласила Жюли следовать за нею. К удивлению матери Жанны, девушка покорно пошла в свою келью и не проронила ни слова в ответ на горячую проповедь о том, что удел женщины – смирение и кротость, что необходимо денно и нощно молить Господа и Деву Марию о спасении заблудшей души, горячо и всем сердцем желая себя изменить, и тогда Дева Мария поможет справиться с тяготами судьбы и пошлет хорошего и добродетельного мужа.

Когда дверь за настоятельницей закрылась и ключ повернулся в замке, превращая келью в тюремную камеру, Жюли простояла несколько минут в оцепенении, будто пытаясь поверить в то, что всё это происходит с ней, а потом, схватив изысканный фарфоровый подсвечник, странным образом оказавшийся в обители смирения и аскезы, запустила им в запертую дверь. Осколки смолкли, и она, не раздеваясь, села на кровать, обхватив колени руками, и, чуть не плача, воздела очи небу со стоном:

– Чертова тюрьма! Господи, ты видишь это?

Однако отчаянье из-за вынужденного заключения в стены монастыря недолго терзало ее: другие мысли вернулись на свое место, заставив молодую графиню опечалиться еще больше.

Ее мать, графиня Маргарита де Леви, светская красавица, до самого рождения дочери выезжавшая в свет, была уверена в том, что родится девочка, и звала ее *Jeanne-Julie – très jolie*. Это милое прозвище стало ее светским именем задолго до рождения. Так Жанну де Леви, лишь появилась она на свет божий, все начали называть Жюли. Уже в десять лет она не любила, когда ее называли полным именем: «графиня Жанна-Гиацинта де Леви» звучало только тогда,

когда кто-то хотел против ее воли заставить что-то делать или собирался наказать. Кормилица Аннетт с рождения звала маленькую девочку Жюли – так, как хотела назвать ее мать, так ласково, что иного имени себе Жюли и не представляла. А холодным именем Жанна называл ее мир, в котором не было места теплу и любви.²

После смерти матери, которой Жюли совсем не помнила, и после пансиона, который старательно пыталась забыть, опекать сироту было некому кроме отца. Нужно ли говорить, что с богатством и положением в обществе графа де Леви, заведовавшего при дворе Наполеона Третьего секретным отделением Генерального штаба армии, все попечительницы, избалованные светскими развлечениями, подвергались суровой проверке? Юную Жюли стремились поближе привязать к себе и своему окружению все, кто допускался к ее обществу ревнивым отцом.

Наполеон Третий стремился возродить аристократию и помимо раздачи титулов направо и налево всем, кто ему нравился и был ему верен, приближал к себе тех, кого общество все еще презрительно называло «бывшими», но теперь уже за глаза. Из изгоя роялист граф де Леви превратился в уважаемого и бесценного слугу императора. Его дочь после самых лучших гувернанток и курсов в Лилльском университете оказалась в эпицентре такого внимания со стороны общества, что поначалу привычно спасалась от назойливых приятельниц и поклонников в библиотеке отца: часто она пряталась там с какой-нибудь книгой, открывающей ей тайны путешествий в далекие страны, устройства Солнечной системы или романтических приключений юной особы... Этот мир был интереснее реального, в котором все ее знания и навыки должны были служить только обретению мужа. Но все равно в свет она выезжала.

Несмотря на то, что многих других молодых людей, более достойных и более благородных, она отвергла, нашелся тот счастливчик, к которому она оказалась благосклонной. То ли от скуки, то ли от неотвратимого желания познать мир любви, прочитанный в книгах, то ли оттого, что ей это просто льстило, она стала принимать ухаживания одного из самых красивых и богатых щеголей Парижа. Сын богатых родителей, молодой бонвиван, который прожигал жизнь и не приносил никакой пользы обществу, – вот кем на самом деле был Луи Сен-Паль.

Однако он всегда оказывался рядом и исполнял любой ее каприз, как мистер Найтли из «Эммы», был недостижим и обожаем всеми, как мистер Дарси из «Гордости и предубеждения», и знаменит как Казанова... Для начитанной и восторженной Жюли было лестно принимать его ухаживания, ловить на себе восхищенные и завистливые взгляды в свете. Много ли было нужно для того, чтобы растопить сердце, толком не знавшее любви ни материнской, ни родительской? Ее наивность затмевала всё: не видя, кто он, Жюли верила в исключительно платоническую любовь.

Без обязательного подтверждения той любви, которого Жюли не допускала и в мыслях, пыл ловеласа быстро остыл, и он с легкостью переключился на новый, более доступный объект обожания, совершенно не беспокоясь о репутации и чувствах влюбленной в него Жюли де Леви.

Они расстались, и граф де Леви увез дочь в провинциальное имение, чтобы избежать лишней огласки и сплетен. Каждый родитель стремится спасти дитя от пагубной страсти, но скольким удастся остановить детскую руку, снова упрямо тянущуюся к огню? Высший свет, обычно не прощающий подобного неприличия, остался неожиданно слеп и глух к этому эпизоду. Граф де Леви немало усилий приложил к тому, чтобы все думали о его дочери как о больной, которой необходимы покой и воздух, нежели как о той, кому нужно смыть позор забвением. Не то чтобы общество Второй империи очень переживало о морали, но очередной неудавшийся союз всегда так радостно и злорадно обсуждался, что отцу была невыносима сама мысль об этом, ни с точки зрения его собственного положения в обществе и ведения дел, ни

² Жанна-подружка – очень красивая (фр)

по этическим соображениям: он все еще мечтал отдать дочь замуж. Дочь, сдавшую экзамены и получившую рекомендательный лист для поступления на высшие курсы Французской академии. Дочь, назло ему закончившую курсы медицины и философии в Лилле.

Отчаявшись снискать в людях те тепло и заботу, которыми не были даже неловкие попытки отца уберечь ее от сплетен, Жюли решила никогда более не надеяться на то, что ей уготована хоть часть того прекрасного чувства, которое описывают в книгах. Все-таки реальный мир оказался другим и был так далек от ее мечтаний... Книжной любви не бывает. Ее вообще нет.

В условиях простого бытия: прогулок по лавандовым полям, книг, заботы о котятках, выращивания роз – деревенское лето в Провансе так неспешно и так прочно латало раны Жюли, что ей и самой начало казаться, будто не было никакой страсти, не было никакого Парижа, не было этой отчаянной первой любви, которая огнем выжгла ее сердце. Был чистый лист, на котором ее рукой могло быть нарисовано все, что она захочет, все, что пожелает... Она отчаянно стремилась забыть всё настолько, чтобы больше никогда не испытывать такой боли. Чтобы больше никогда и никого не любить.

Пока Жюли благоразумно делала выводы в провинции, в парижский особняк графа де Леви так неожиданно и так не вовремя явился Луи Сен-Паль, ослепленный безнаказанностью всех своих выходок и привыкший получать всё по первому капризу. Отец Жюли принял молодого повесу сухо и холодно. Услышав предложение руки и сердца его дочери, граф де Леви собрал все остатки силы воли и отказал, объяснив, что никогда, пока он жив, Жанна-Гиацинта де Леви не станет мадам Сен-Паль, женой человека столь же бесчестного, сколько безнравственного и еще много чего «без-...», – и тут егохватило на три четверти часа ругательств и обвинений, в которых он ни разу не повторился.

Искренне презирая равнодушного погубителя своей дочери, граф де Леви молча проследил за тем, как лакей объявит ошеломленному поклоннику, что двери дома де Леви навсегда закрыты для него. Тем строже было лицо графа де Леви, что знал он и об истинном назначении этих ухаживаний и причинах повышенного интереса господина Сен-Паля, чьи письма в Берлин, зашифрованные под видом обращения к бабушке в Пруссию, регулярно расшифровывались в его кабинете и содержали немало деталей работы ведомств Франции. Деталей, которые легко могли навредить. Вторая империя Франции фактически не имела разведки, сохраняя лишь криптографию для переписки и получения расшифрованных донесений. Используя этот канал информации для того, чтобы дезинформировать противника, граф де Леви не мог ничего поделаться с Сен-Палем, но обезопасить свою дочь был обязан.

Продолжая изображать пылкого любовника, чья уловка с временной разлукой, задуманной для того, чтобы еще больше привязать к себе Жюли, с треском провалилась, Сен-Паль был унижен, но тем сильнее желал получить то, что так легко было предложено ему один раз и так ценно оказалось впоследствии. настолько сильно было его желание, что привело к мыслям о венчании и союзе, так несвойственным людям его круга и рода занятий, чем Луи Сен-Паль немедленно поделился с репортерами *Le Petit Journal*: каждый день газета писала о новых шагах молодого гражданина из уважаемой семьи в поисках своей возлюбленной, коварно спрятанной отцом из «бывших» в глуши. Он почти преуспел, найдя Жюли, но как только была перехвачена первая записка ей, написанная его рукою, граф де Леви решил увезти дочь в монастырь бенедиктинок.³

Блуждая в ореоле той неопределенности, в которую превратилась ее жизнь за считанные часы, не зная истинных намерений своего возлюбленного и искренне принимая за настоящую любовь то, что профессионально изображал агент прусской разведки, виновница этого переполоха сидела в своей келье, обескураженная и расстроенная. В неге покойной и размерен-

³ «Маленькая газета» (фр) – скандальные хроники Франции, ежедневная газета с 1865г

ной жизни в деревне появление отца, скорые хлопоты и необъяснимый стремительный отъезд «во имя твоего же спасения, ненадолго, ты должна меня понять» были так внезапны и закончились так печально, что сейчас, оказавшись в своеобразной тюрьме монастыря, она никак не могла собраться с мыслями. Отец сказал, что Луи Сен-Паль будет преследовать ее и это не сулит ей ничего хорошего, – о да, тут Жюли была согласна. Но зачем ее привезли в монастырь, почему заточили как пленницу и когда выпустят – эти вопросы не находили ответа. Ясность была только в одном: нужно как можно скорее покинуть это ужасное место, бежать, выйти на свободу. Она больше не могла находиться в этом холодном, сером, унылом склепе.

Как ей хотелось стать легкой. Ветром... Именно ветром, чтобы летать где вздумается и никому не подчиняться. Совсем как в детстве, когда она с подружками сбегала с занудных занятий по вышивке в пансионе и, развязав надоедливые зеленые ленты воспитанниц второго класса, валялась в траве, глядя в синее летнее небо и мечтая о будущем. Какой легкой, беззаботной была эта маленькая жизнь! Какими веселыми и верными друзья: Ирен, Элен и Натали... Их называли «д'Артаньяном и тремя мушкетерами» господина Дюма – веселую стайку девочек из «бывших». Имея аристократическое происхождение, они вчетвером были почти изгоями в пансионе, куда каждая попала из-за потерь семьи: кто-то – потеряв отца, кто-то – мать, кто-то – обоих. Их сторонились, им завидовали, их не наказывали учителя... Их никто не любил. И им было легче вместе – стае диких лисят, сбившихся в кучку посреди опасного дремучего леса, от страха во все глаза рассматривающих темноту чащи, жмущихся спина к спине...

Это потом Жюли узнала, что она – хищник, что хищники охотятся в одиночку и что тот, кто сегодня унижал их, завтра утром принесет им завтрак, согнув спину в поклоне. Когда они устраивали эти недалекие побегі вместе, забирались в самую гущу травы в поле и, валяясь на ней, мечтали о том, как всё будет дальше, Жюли казалось, что она летает: таким близким было синее небо... Как давно не видела она писем от своих милых подруг: со всеми этими стремительными переездами сначала в Прованс, теперь под Руан в монастырь отец не позволял ей писать письма и не отдавал ей тех, которые приходили на ее имя...

Благодаря тому, что в библиотеке их дома на Елисейских Полях были не только классические сочинения, но и труды по философии, экономике и праву, которые были проглочены Жюли от скуки, наравне с сочинениями господ Флобера и Ричардсона, ее разум получил весьма деятельностный подход к решению жизненных трудностей: молодая графиня окончательно уверилась, что ей необходимо бежать из монастыря. Способ и место, где она укроется, не были сильной частью ее плана: несостоявшийся любовник стал ей ненавистен, отец предал, и всё случилось так быстро, что Жюли казалось, будто она только что пробудилась от кошмара и не может прийти в себя. Что ожидало ее дальше? Ей страшно было спрашивать себя об этом. Тот самый миг прозрения, когда все иллюзии разрушены и душа ищет хоть какой-то опоры, не найдя ее, заставил молодую графиню просидеть всю ночь в оцепенении, так и не решив, как именно она вырвется на свободу и что будет делать, когда это произойдет.

Можно учить детей истории.

Можно лечить людей в больнице.

Можно открыть литературный салон...

Рассвет застал Жюли в той же позе, в какой она встретила ночь, но лишь только первые лучи солнца коснулись монастырской базилики, она устало опустила голову на подушку и уснула, так и не сделав окончательного выбора.

Утро в монастыре начиналось для его послушниц рано: уже в шесть часов дверь в ее келью отперли и две монашки в черном молча принесли ей белые одежды послушницы. С ужасом рассматривала она белое бесформенное саржевое платье с широкими рукавами, широкое шерстяное покрывало, апостольник, доходящий до подбородка и срезанный четырехугольником на груди, и головную повязку – одежду, которую должна была теперь надеть и ходить в ней, не снимая. С немалым поражением разглядывали ее парижские наряды сестры Анна и Бер-

надепт: с похожим ужасом думая о том, что женщина может носить такое открытое и (о ужас!) короткое платье, открывающее по щиколотки ноги и практически оголяющее грудь. И в таком платье девица ходила в люди, была среди мужчин и женщин! Страх того, что за монастырской оградой течет совершенно другая жизнь, в которой женщины носят такие платья, и свободно разговаривают с мужчинами, учатся в пансионе, и поступают в академию, работают, имеют право говорить то, что считают нужным, вызывал этот первородный испуг сестер, вытесняя монашескую отрешенность от всего мирского и недавнюю непримиримую вражду в вере святой. Приказ матери Жанны во всем следить за новенькой был однозначен, и нарушать его никто не хотел: не сравнить с тем ужасным наказанием, которое было им выдано за драку в музее.

Молитвы необходимо было посещать всем: час хвалы на рассвете, за которым следовало богослужение первого часа, затем совершалась евхаристическая литургия. Скучный монастырский завтрак, утренние молитвы вместо уроков, проповеди вместо обеда, работы в саду и косые взгляды других послушниц и монахинь утомили молодую графиню де Леви настолько быстро, что лишь выдалась такая возможность, она проскользнула в свою келью и с неприятным удивлением обнаружила, что изнутри та не закрывается совершенно. Вздохнуть с облегчением о конце этого дня было рано: ни плана побега, ни покоя не нашлось ей в этой обители.

К ужину в монастырь приехал посыльный от графа де Леви с распоряжениями о содержании молодой графини и устным посланием от отца ей лично. Устав монастыря был лоялен к появлению молодого пастора в обители, готовящей юных девушек к замужеству в благочестии: молодого человека провели в гостиную, где его уже ждала Жюли. Сестра Жаклин проводила пастора и закрыла за собой дверь, спокойно удаляясь и искренне считая, что пастор безобиден и кроток. Только дойдя до матери-настоятельницы, она по одному взгляду последней поняла, что что-то сделала не так, и была стремительно отодвинута в сторону. Настоятельница лично пошла к келье, но перед запертой дверью остановилась: сан пастора и их беседа, с одной стороны, не должны были вызывать сомнений, да и строгие указания отца девушки не касались напрямую посещений ее священником. Но с другой стороны, юная нарушительница правил, стоящая на пороге греха, оказалась один на один с молодым человеком в комнате за закрытой дверью. Муки выбора правильного решения привели настоятельницу к единственно верному: она встала на колени и прильнула одним глазом к замочной скважине.

Жюли сидела на стуле вполоборота к двери, когда пастор вошел в комнату. Молодой человек запнулся на пороге, увидев ее в монашеском облачении: так не похожа была Жюли на ангела и так невыразимо прекрасна в простых белых одеяниях. Далее он ступил вперед еще шаг и низко поклонился ей, немного неуверенно двигаясь в сутане, да и пасторский воротничок ему явно был тесен.

– Кто вы и что угодно вам от меня? – спросила Жюли совершенно безразличным голосом, не поворачиваясь к нему лицом, глядя в одну точку на серой стене, по которой уже начинали ползти сумерки.

– Я надеюсь, что вы узнали меня, мадемуазель...

Жюли резко вскинула голову. О да, это был Луи Сен-Паль!

Сама судьба давала ей способ бежать. И пожар предвкушения свободы, уже свободы, а не счастья, полыхнул где-то там, где так недавно билось ее сердце, задыхаясь трепетом от любви к этому человеку. Она ответила как можно более спокойно:

– Да, Луи, я узнала вас...

– Вы видите: моя любовь не знает границ...

«... и стыда...» – пронеслось в ее голове.

Он бросился к ней, но, словно прочитав на ее лице то, о чем она подумала, остановился в нескольких дюймах рядом с ее стулом. Растерянно он продолжил:

– ... я прибыл за вами и смиренно умоляю бежать со мною. Мой замок ждет нас.

– Ваш замок? И ваш отец?

– Он скончался месяц назад; он очень переживал, когда узнал, как я поступил с вами. Я хочу всё исправить: я увезу вас в мой замок, как бы ни пытался граф де Леви спрятать вас, и даю вам слово, что стану вашим мужем.

Прелестная послушница перекрестилась, и как бы ни хотелось ей подробно разложить намерения господина Сен-Паля, по каждому пункту подобрав самое обидное и хлесткое возражение, ответила вопросом практического характера:

– Но как я выйду отсюда?

– Вы проводите меня до ворот; мы подойдем к моему коню, я наклонюсь к вам, чтобы освятить ваш лоб братским поцелуем. Мой конь не устал, и отсюда до моей усадьбы всего час пути. Я и не знал, что нахожусь так близко от вас...

«А ведь он и правда может вытащить меня отсюда...» – подумала Жюли.

Луи тем временем продолжал, шагнув к ней еще ближе и испытующе глядя в ее глаза:

– Ведь вы любите меня?

– О да! Конечно! – Когда-то эти слова прозвучали бы искренне и страстно, но теперь она не испытывала ничего, кроме желания воспользоваться им так же, как он воспользовался ею когда-то. Окаменевшее сердце Жюли не впускало и мысли, что Сен-Паль готов всё исправить и сделать ее счастливой.

Сделать ее счастливой мог только ветер свободы – от всего и от всех. Она беспокоилась исключительно об этом, потому и продолжила сомневаться:

– ... но я боюсь. У нас ничего не получится.

– Черт побери!!

– Сударь, это – монастырь! Здесь меня запирают на ночь на ключ, ворота держат на замке, а у стен могут быть уши так же, как у дверного замка – чьи-то глаза...

– Вы – боитесь! Наша *Julie très jolie* испугана! И это мне говорит женщина, которая никогда не знала, что такое страх: фехтуя, участвуя в скачках на спор, охотясь... Хотите, я проверю? ⁴

Не дожидаясь ответа, молодой человек проворно метнулся к двери и с силой толкнул ее. Из коридора раздался непроизвольный вопль настоятельницы: стены монастыря были настолько толстыми, а стул графини де Леви и ее спутник находились так далеко от двери, что преподобная мать Жанна могла лишь видеть их и не слышала ни слова. Почти успокоившись, разглядев собеседников в позах, приличествующих сану одного и положению другой, она как раз заменила у замочной скважины глаз на ухо, в связи с чем получила удар неожиданный и коварный.

Молодой человек подождал, пока она поднимется, и даже подал ей руку. Неприятная пауза затягивалась, когда он наконец-то сообразил завести непринужденную беседу, обращаясь к настоятельнице так, будто ничего ровным счетом не произошло:

– А что, преподобная мать Жанна, лошадь моя накормлена?

– Да, святой отец. Я сразу же распорядилась ее накормить и дать воды. Ваш конь отдохнул и готов в путь.

– Вы так добры, благодарю вас. – И граф повернулся внутрь гостиной, где сидела Жюли: – Продолжим, дитя мое.

Когда дверь плотно закрылась, Жюли встала подальше от нее и, повернувшись спиной к двери и графу, сказала:

– Вы убедились, что побег невозможен...

– Напротив: настоятельница ничего не слышала, иначе бы меня давно выгнали отсюда и вновь разлучили с вами. Она не услышала ни слова из нашего разговора. Если я еще раз ее

⁴ Очень красивая Жюли (фр)

о чем-нибудь спрошу, то наверняка убью этой дверью... Она глупа, но не самоубийца. Решайтесь! Одно ваше слово.

– Боже мой! – Жюли попыталась улыбнуться, но из-за волнения улыбка как-то не получилась. Всё внутри ее сжалось в комок, и она решительно сказала: – Едем!

Луи Сен-Паль взял ее под руку и решительно толкнул дверь. Настоятельница, оконфузившись в своих упражнениях и не найдя ничего предосудительного в подобном визите, тем более что он подошел к концу, решила сделать вид, будто очень занята делами, и принялась раздавать поручения монахиням во дворе монастыря. Пастору привели коня, начали открывать ворота для его отъезда. Жюли рядом с Луи спокойно и медленно шагала к воротам, благочестиво скрестив кисти рук.

Он вошел в роль:

– Ваш отец беспокоится, ревниво ли вы отнеслись к спасению души своей и усердно ли молитесь по вечерам.

– Ему не о чем волноваться, святой отец: я смиренна и отдаюсь своей воле так, как это угодно Господу.

– Житие святой Магдалины могло бы укрепить вас в истинной вере, дитя мое.

– Я прочту его с подобающим рвением. Нет ни дня, чтобы я не упоминала отца в своих молитвах с благодарностью, ведь он так много сделал для меня...

Надо признаться, что с момента приезда в этот монастырь Жюли не произнесла ни одной молитвы, кроме «черт бы побрал и сам монастырь, и всех монашек», которую мысленно твердила, пока другие послушницы пели псалмы.

В продолжение этой беседы они неторопливо вышли из стен монастыря и приблизились к лошади графа, которую привязали у открытых ворот. Простодушная настоятельница, не услышав ничего подозрительного под дверью, попрощалась с пастором еще во дворе, не выйдя следом за Жюли и тем самым нарушив указание ее отца.

Закатное солнце переливалось всеми цветами радуги, оставляя золотые блики последнего часа дня на стенах монастыря, лицах и одежде благочестивых собеседников. Всё выглядело идиллией смирения заблудшей души. Глядя им вслед, преподобная мать Жанна улыбалась, искренне считая, что даже одна ночь в стенах священной обители может привести девушку на путь исправления. Что еще можно было ждать от души, так долго не искушаемой никакой иной страстью, кроме веры?

Жюли со слезами на глазах (были это слезы радости избавления или же горечи от необходимости именно этим путем обрести долгожданную свободу?) довела Луи Сен-Паля до его коня.

Он сел в седло.

Потом резко развернулся к ней всем телом, поднял почти невесомую послушницу одной рукой, усадил перед собой и вдарил шпорами.

Конь взбрыкнул и стремительно унес их навстречу надвигающейся ночи.

На священную землю своих предков Луи Сен-Паль привез свою любовницу еле живой. Слуги недоуменно разглядывали монашку с лицом римской богини, а их хозяин, велел переодеть ее во что-нибудь, рухнул в кресло прямо в гостиной – сил идти в покои уже не было. Жюли не успела опомниться, как заботливо была преображена из монахини в новенький полупрозрачный пеньюар, под которым не было ничего, кроме невидимой сорочки из тончайшего батиста. Волосы ее завязали атласными лентами быстро и почти бесшумно. Только догадываться оставалось, где взял Луи таких послушных и беспринципных слуг: ее, монашку, спокойно переодели и оставили в спальне, украшенной как брачное ложе.

В это время Луи Сен-Паль, преодолевая остатки усталости и подбадриваемый удачным приключением, принялся отдавать распоряжения по дому. Глубокая ночь не остановила его: все были подняты на ноги, человек с письмом для бабушки в Пруссию, в котором сообщалось

о воссоединении влюбленных, отправлен на телеграф. Охрана прочесывала периметр вокруг замка, кухня готовила праздничный ужин, лакеи зажигали свечи в гостиной... Сен-Паль готовился не только получить удовольствие от удачно выполненного задания, но и совместить приятное с полезным.

Жюли сидела на кушетке, не решившись занять место на пышной кровати, когда Луи трепетно постучался к ней и нетерпеливо ворвался, лишь услышал ее голос.

– Сударь, вы сами не знаете, что сделали для меня, – сказала она ему и мысленно добавила: «И сами не знаете, что сделали для себя...», подозревая, что влюбленный мужчина может потребовать в награду, и зная наверняка, что его мечтам не суждено сбыться.

Сен-Паль прилежно бросился к ее ногам, обнял их, и ей даже на мгновение показалось, что он искренне тосковал по ней, – столько маленьких лучиков вспыхнуло в его глазах от пламени свечей; но почему она чувствовала фальшь?

Он опустил голову ей на колени и горячо прошептал:

– Вы теперь верите мне? Я сдержал свое обещание, я стану вашим супругом...

Жюли прекрасно понимала, что супругом Луи собирался становиться немедленно, а слова о венчании и обязательствах так не шли ко всей обстановке: похищению, брачному ложу, подготовленному наряду для утех. Тело и душа ее были подобны камню: она всё видела, почти всё понимала. Она чувствовала коленями тепло другого человека, но не себя. Ее не было в этой спальне. Ее не было в этом замке. Ее просто не было. Поэтому, собравшись и как можно естественнее зевнув, она сонно сказала:

– Ах, нет... У меня всё еще кружится голова, я почти теряю сознание. Мне нужны силы. Отложим и разговоры, и вознаграждение до утра?

– Но утром я получу его? – Луи вскинул голову и с жадой заглянул ей в глаза. И не увидел подвоха: благодаря тому, что глаза ее были темны, как сама эта сумасшедшая ночь, Жюли могла спрятать в своем взгляде любую тайну.

– Разве я могу сказать вам «нет»?

Дверь захлопнулась, ключ повернулся в замке, и Жюли вновь оказалась пленницей.

«Самоуверенный болван!» – стучало у нее в голове, когда она лихорадочно соображала, как лучше выбраться из окна, насколько высок этаж и в какой стороне Париж. Также нужно было придумать хоть какую-то одежду вместо этого кошмара на ленточках.

«Моя наивная кошечка!» – думал Сен-Паль, став холодным и быстрым, отправляя второе срочное письмо с нарочным в Берлин и отдавая охране приказ быть начеку: гостью могут похитить, и она не должна покинуть замок без его особого распоряжения.

Ночь, так многое скрывшая тьмой, давшая всем живым существам в замке время для сна и утолив их дневные хлопоты грезами всего лишь до рассвета, отступила неожиданно быстро. Утро застало Луи Сен-Паля спящим на диване у лестницы в покои Жюли, а саму Жюли – завернутой в балдахин, назначенный молодой графиней де Леви в платье, примеряющей место для веревки: связанная за ночь из простыней, она должна была выпущенной из окна доставать до первого этажа, и тогда по ней можно было спуститься, но привязать у окна этот самодельный путь к свободе было совершенно некуда, тем более что сторожевая башня выходит окнами как раз на эту сторону...

И в этот момент ключ в двери шелкнул, и в комнату кто-то вошел. Жюли с ужасом поняла, что стоит у окна, спиной к двери, полуголая, ибо «платье» тут же предательски упало на пол, с веревкой в руках.

Провал был очевиден! Лихорадочно придумывая объяснение происходящему, одно хуже другого, она зажмурилась и даже присела, когда поняла, что вошедший сделал несколько шагов к ней, а за открытой дверью происходит какая-то возня и слышатся сдавленные крики. Каждый шаг вошедшего отдавался в ее голове ударом грома, и тут он положил руку на её плечо.

Жюли зажмурилась...

– Вы задумали провести меня?

О ужас! Это был ее отец, граф де Леви...

Жюли содрогнулась всем телом и, резко повернувшись к нему лицом, гневно воскликнула:

– То, что я сейчас нахожусь здесь, вызвано лишь тем, что вы попираете мою свободу, совершенно не считаясь с моими желаниями!

Граф де Леви боязливо отстранился, не ожидая такого стремительного отпора, впервые услышав в голосе дочери столько решительности и силы.

И Жюли яростно продолжила:

– Я не знаю, сколько раз мне повторить вам, что я не вещь! Я хочу быть свободной и жить самостоятельно!

Граф усмехнулся и задумчиво произнес:

– Вы еще так молоды, мадемуазель... О какой самостоятельности вы можете говорить?

– Вы знаете, что внутри меня бьется сердце старухи, но даже не это я прошу вас понять – у меня своя голова на плечах, свое мнение о любви и свободе! А вы хватаете и прячете меня, как вещь, и Луи хватает и прячет меня, как вещь! Я же человек, я живая! Мне больно!

– Не говорите мне глупостей! Вы бежали из монастыря с этим бонвиваном по доброй воле! – Граф начал вскипать; пылкая тирада Жюли не нашла в его лице ни благодарного слушателя, ни последователя излагаемых принципов, но праведный гнев оппонента подожгла, да так, что полыхнуло знатно. Ее отец рассердился не на шутку и, считая дальнейшие переговоры бессмысленными, жестко произнес: – Извольте следовать за мной!

– Голой?

Жюли была дочерью дьявола, но отец, уже давно привыкший к ее выходкам, спокойно отвернулся к стене и, глядя на карманные часы, ответил:

– Даю вам четверть часа.

Глава 1

Лошади медленно тащили карету в сторону Парижа по сумеркам. Вечер постепенно выравнивал все цвета в один серый с тысячей оттенков, и серыми становились небо, поля, пыльная дорога и сам воздух, вторя безысходности путешественников. Сидящие в карете, покачиваясь в такт этому стуку, равнодушно смотрели в окна дворец, лишь изредка нарушая молчание уже ничего не значившими для них фразами.

– Вы окончательно решили? – в тысячный раз переспрашивала Жюли, заранее зная ответ на свой вопрос. Она и не надеялась услышать что-то другое, но настойчиво повторяла и повторяла его, чтобы заполнить воздух хоть чем-то кроме безнадежности.

– Да, мадемуазель.

Граф де Леви был спокоен и собран. Истерики дочери больше не могли его рассердить: накануне сватовства этого Сен-Паля агенты его «черного кабинета» перехватили информацию о том, что готовится Пруссией для Франции. И как только эта расшифровка была подана императору, граф де Леви взял отпуск на несколько дней и разрешение перевезти дочь в Англию к родственникам. Император сказал ему «да».

– Вы ведете себя так, словно я ваша пленница. Вы пользуетесь своей властью так безжалостно! Общество дало вам безграничное право...

– Не премину им воспользоваться! – Надо сказать, что граф не преминул воспользоваться разрешением императора на выезд так, что, вывозя дочь, он вывозил почти все свои сбережения, которые забрал из банка и надежно спрятал в тайнике их дома на Елисейских Полях.

– И всё же это жестоко! – не сдавалась Жюли.

– Это необходимо.

– Из одной тюрьмы отец перевозит дочь в другую и считает это незаменимой услугой!

– В Англии вас как минимум не найдут! – Граф де Леви очень надеялся на это.

– Луи найдет! – победно возразила Жюли. Она знала, что так и будет, неважно даже, хотела она этого или нет.

– Ему есть о чем поговорить с начальником жандармерии Парижа, чем он сейчас и занят, – усмехнулся граф.

– Я искренне сожалею, но все усилия, и ваши и Британских островов, будут потрачены впустую!

– Всё может быть, но вам лучше будет находиться подальше от Франции.

– Когда вы прекратите решать за меня, что лучше, что хуже?

– Когда передам вас супругу у алтаря.

– О боже! Я способна сама отвечать за свои поступки... Нет, вы не человек – так поступить со своей дочерью! В вас нет отеческих чувств ко мне! – Жюли коварно перешла на упреки. Но план провалился:

– Я жестко разочарован в дочерних! И за это наказан. Оставим эту тему до лучших времен: я вижу, что напрасно отдал вас в школу, Жюли. Ничего кроме вольнодумства и бунта! Вы напрасно пытаетесь затеять спор, прекрасно зная, что он бесполезен: вам нельзя находиться в Париже. Вам угрожают не только окончательное грехопадение и несмываемый позор в обществе.

Молчание.

– Но почему, почему, почему я должна покинуть Францию и жить в Англии? – Жюли решила измором брать эту крепость.

– Это самое надежное место для вас и самое подходящее. Вы слишком увлекались вопросами свободы вместо того, чтобы отдавать предпочтение другим наукам, подобающим девушкам вашего круга, – назидательно сказал ее отец.

– Вышивать и заучивать па?! Искать женихов? Я нахожу полезными иные учения! – возмутилась курсистка философского и медицинского факультетов.

– То-то и оно: скачки, фехтование, медицина... Китаец этот еще с его борьбой... Спасибо хоть за иностранные языки!

И оба собеседника хором простонали:

– О боже! Дай мне терпения! Дай мне сил!

Граф де Леви принял безумное на первый взгляд решение отправить Жюли к своему брату в Англию, довольно давно переехавшему туда и имеющему прекрасное уединенное имение неподалеку от Лондона. Имелось у брата и положение в местном графстве, и состояние для того, чтобы жить достойно и безбедно.

Это желание спасти дочь понять было несложно: Францию лихорадило. Как особа, приближенная к императору, и управляющий тайной перепиской «черного кабинета», граф де Леви знал больше, чем писали газеты или шептались в кулуарах, а изменить, несмотря на свой здравый смысл и положение, мог не всё. Война с Пруссией была вопросом времени и удобного случая. Бунты вспыхивали по всей стране, Париж и в этом был законодателем мод для всей Европы. Оппозиция вела себя всё более раскованно. Император предпочитал льстецов стратегам. В обществе графа де Леви побаивались, уважали, но всегда помнили, что он – потомок древнейшего рода, из «бывших». Это не прощалось свободным гражданским обществом: являясь патриотом, будучи приближен к императору особенностями своей незаметной службы, граф де Леви был человеком с некоторыми связями, неплохим состоянием, но совершенно беззащитным. Отвечая за важные вопросы шифрования переписки перед императором, он всегда был объектом манипуляций и шантажа для всех разведок мира. И Жюли была прекрасным средством для этого. Жюли всегда была его слабым местом. И Жюли всего этого не замечала: ее книги создали вокруг нее ореол какого-то другого мира, лишённого реальности, зла и войн. Где еще, как не у союзника, недавно бывшего таким непримиримым врагом, под покровительством брата на спокойном острове, ей было место?

После того как решение отправить ее в Англию было объявлено, Жюли смеялась и шутила, плакала, умоляла, злилась, но серьезный тон отца вскоре дал ей понять, как жесток и холоден может быть близкий человек, доведенный до отчаяния. Разговор по дороге в Париж не был для нее последней надеждой: она хорошо знала своего отца, все споры с ним были действительно бесполезны. Ее настораживало собственное настроение: безысходность вкрадывалась в ее сердце, и Жюли спорила лишь потому, что не привыкла сдаваться без борьбы. Она не желала быть побежденной и изображала гнев в то время, как душа, холодея, принимала этот проигрыш, уже не надеясь на чудо.

В Париж они приехали поздним вечером. Роскошный особняк на Елисейских Полях, знававший шумные балы, когда-то давно гремевшие на всю Францию, встречал своих хозяев холодной, непривычной тишиной, мрачно глядя тусклыми окнами на одну из вечно оживленных улиц самого веселого и красивого города Европы.

Молодая графиня отказалась от ужина и услуг горничной и заперлась у себя. За весь вечер она более не проронила ни слова, и сейчас ее спальня безмолвствовала тишиной, будто пустая. Было это долгожданным смирением или очередной уловкой, граф де Леви наверняка не знал, но рассчитывал, что усталость остановит его дочь хотя бы до утра. Хорошо изучив характер Жюли, он ожидал истерики и даже приготовился к отпору, но она молчала и внешне казалась вполне спокойной. Она не понимала ни кто она, ни почему она в опасности. Она не знала, кто такой Луи Сен-Паль, и наивно принимала его ухаживания за чувства. Ее смирение, пусть и временное, позволило бедному родителю отправиться в свою спальню и немного отдохнуть: утром они выезжали в Кале, чтобы отплыть к берегам Туманного Альбиона. В старшем брате, теперь живущем простой сельской жизнью в далекой Англии, искал поддержки граф де Леви.

Несмотря на усталость, он был в огромном напряжении и уснуть всё никак не мог: его дочь всегда была самым слабым звеном в его карьере. На человека, управляющего тайной перепиской императора, давили все: и королева Евгения, и оппозиция, и либералы, и правительство, и сам император. Тайны двора были нужны каждому игроку на этом поле, именно поэтому граф де Леви то прятал свою дочь в пансионе, то закрывал дома с гувернантками, то соглашался отпустить на курсы в Лилль – лишь бы не Париж, лишь бы она не мелькала на глазах у тех, кто вершил политику и не гнушался никакими способами заполучить нужную информацию. Непокорность, бунтарство и откровенное нежелание видеть мир таким, какой он есть, составлявшие характер Жюли, не оставляли ему других вариантов: если уж и в монастыре ее нашли, то только очень большое расстояние и присмотр родственников могут спасти ее жизнь. Брат писал графу де Леви, что примет племянницу с радостью и укроет ее от невзгод в такой спокойной и далекой Англии, и это было последней надеждой для отчаявшегося отца и хозяина «черной комнаты», сдерживающего натиск прусских шпионов на кабинет императора Франции из последних сил.

Жюли тоже не спала. Она сидела в кресле у окна в полной темноте, не раздеваясь для сна, обхватив колени руками. Луна была полной, свет ее давал достаточно видимости для того, чтобы не зажигать свечи и думать. В Англии Жюли ждали дядюшка и сводный кузен: дядя женился на вдове с солидным капиталом и с сыном, которого усыновил. Кузена Жюли не помнила, так как расстояния между отцом с его должностью и его братом, подданным другого государства, позволяли поддерживать родственные отношения лишь в редких письмах. Знала она лишь то, что жена дяди умерла. Знала, что из этой берлоги с двумя родственничками и несомненным наличием жены кузена и вздорных детей Луи Сен-Паль вытащит ее так же быстро и искусно, как из монастыря.

Но что же ждало ее дальше?

Впервые она задавала себе этот вопрос не в конце приключения, а накануне, и впервые не хотела узнать ответ.

За окном раздался глухой шум, и с веток яблони в комнату с треском ввалилось что-то темное, очертаниями выдающее человека. Несколько мгновений и полугода уроков боевым искусствам у мастера Ли Шаня хватило девушке, чтобы тотчас бесшумно переместиться за занавеску и тихо вытащить из тайника заряженный пистолет. Жюли двигалась плавно и неслышно, как кошка; ее отточенные шаги были беззвучны и легки. Пока глаза непрошеного гостя привыкали к темноте, Жюли заняла самую выгодную позицию. Легкий ветерок ворвался через открытое окно, откинув занавеску, а свет луны заставил искриться ее роскошные темные кудри, разметавшиеся по плечам и замершие с ее телом в ожидании...

Непрошенный гость откинул плащ с лица и оглядел комнату, без труда найдя и Жюли, и, благодаря лунному свету, дуло пистолета, устремленное прямо на него.

– Осторожно, мадемуазель! Я знаю, что вы выстрелите и не промахнетесь...

Жюли невольно улыбнулась: в этот раз Луи Сен-Паль оказался еще проворнее. Интуиция ее не обманула: он снова пришел за ней, чтобы украсть ее. Украсть у нее же самой. Опустив пистолет и убрав его в тайник, она вышла к лунному свету, представ перед Луи посеребрянной агатовой статуей, столь же прекрасной, сколь беспощадно холодной.

Он рухнул к ее ногам, обнял ее колени, прижался к ней и заговорил так горячо, будто чувства, переполнявшие его, не могли более оставаться в нем и выплескивались с каждым словом всё сильнее и сильнее:

– Я узнал, что твой отец увозит тебя! Куда? Надолго ли? Увидимся ли мы снова? Нам необходимо бежать немедленно! Мы обвенчаемся и будем вместе вечно! На юге Италии у меня есть милый домик...

– География очень полезная наука, сударь... – Вместе с холодом в голосе Жюли проскочило сожаление. И Луи Сен-Паль почувствовал, что это не прохладный ветерок, а внезапный приход холодов, навсегда отделяющих зиму от теплой осени.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я не поеду с вами в Италию.

– Почему?

– Там жарко.

– Я не понимаю тебя... Мы можем остаться здесь, во Франции; я уверен, твой отец примет наш брак и со временем смирится с ним...

– А здесь мне теперь очень холодно.

В продолжение всего разговора лица их были едва освещены лучами полной луны, пробивающимися сквозь ветки яблони. Это не давало Луи возможности видеть выражение лица Жюли, а ее тон был настолько необычен для него, что моментами ему казалось, что его мистифицируют. Сияясь рассмотреть, не шутит ли его милая возлюбленная, такая преданная и готовая в любую минуту пойти за ним на край света, Сен-Паль не узнавал прежней Жюли. Привыкший к легким победам и ни в чем не знавший отказа, жонглируя ее чувствами по своему усмотрению, он обнаружил, что с ним говорит не влюбленная в него девочка, а совершенно другая женщина, почти незнакомка. Он обнаружил, как ему жаль, что он пропустил это прекрасное превращение из неуклюжей гусеницы в блистательную бабочку. Надменный, холодный тон Жюли недвусмысленно давал понять, что теперь перед Луи Сен-Палем стоит неприступная крепость. Это рушило его планы, ставило под удар всю операцию, ему порученную, и одновременно приводило его в трепет: такой должна была быть его женщина. Только такой! Привыкший легко манипулировать другими, на секунду и только сейчас ей он был покорен.

Насторожившись, он продолжил разговор:

– Куда же ты хочешь уехать?

– Туда, где вас нет.

– Как...

– Вам придется найти себе другую любовницу, месье Сен-Паль.

– Месье?! Жюли, скажи мне, что всё это просто злая шутка. Нужно ли мне напоминать тебе, что я хочу всё исправить и просил твоей руки? Я совершил многое, что теперь не дает мне права даже напоминать тебе о своем существовании, не то что о моих клятвах, но многое и изменилось с тех пор... Я понял, что теряю тебя, и испугался. Я испугался, что люблю тебя и давно уже веду себя как сумасшедший! Нет никого в моем сердце и мыслях...

– Ах, вы остались одни и вас некому утешить?

– Да, но ты тому виной. И сейчас я искренен, как на исповеди... Ты молча слушаешь мою пылкую тираду, лишь перебивая меня маленькими колкостями... Говори всё что угодно, только будь со мной.

– Это невозможно. – Со вздохом Жюли развернула свое лицо к свету так, чтобы граф видел ее и понимал, что она решительно настроена и не шутит.

Он отстранился, оставшись на коленях перед нею.

– Почему?

– Я не люблю вас.

Граф молчал, пораженный той легкостью, с которой Жюли сказала эти слова, будто попросила стакан воды. Всё было решено в сердце графини де Леви. Всё было похоронено. Тем легче давались ей слова, которые, как кинжалы, она вонзала по одному в душу Луи Сен-Паля, не чувствуя его боли, не замечая, что их рукояти ранят и ее руки. Она не знала, что не было никакой его боли.

Луи поднялся. Он взял Жюли за плечи и внимательно вглядывался в ее глаза, будто пытаясь найти там что-то, чего графиня де Леви еще не сказала ему. Увидев, что всё было сказано, он решил взять паузу в этом проекте и заговорил с обидой в голосе:

– Хорошо, если я безразличен вам, я оставлю вас без промедления. Но помните, что ваша жестокость вернется вам стократ...

– Нет, это не моя жестокость – это ваша возвращается к своему хозяину, – с этими словами Жюли вырвалась из рук Луи и шагнула к стене с тайником.

Луи Сен-Паль, светский лев и бонвиван, любимец всех красоток Парижа, известный рантье, ловелас и сердцеед, стоял перед нею в темной комнате пораженный и униженный. Он был в смятении. Готовая поднять шум, Жюли наконец-то почувствовала свободу.

Вот какой, оказывается, она была: горькая, болезненная, отпускающая душу в свободный полет свобода.

Можно было лететь куда захочешь.

Можно было лететь...

И было так пусто.

– Сейчас я покину вас. Но даю вам слово, что не отступлю и буду искать способа доказать вам и свою любовь, и свою необходимость, и что вы пожалеете о том, что сейчас отвергли меня. – Взбешенный, Луи Сен-Паль вскочил на подоконник и обернулся: – И тогда уже вы будете передо мной на коленях!

– Первый счет будет предъявлен вам самому! – прокричала ему в ответ Жюли, но он уже выпрыгнул из окна, и еще долго можно было слышать удаляющийся стук копыт его коня, сначала по гравии, потом по мостовой.

Молодая графиня постояла немного у окна, опустив плечи и борясь с сожалением. Его грозный вид, его гнев не тронули ее души: что мог искалечить человек, уже ее растоптавший? Но ирония судьбы, так поздно назначившей ему те муки, которые еще недавно пережила она, давали молодой графине пищу для размышлений. Много пищи, слишком много.

Не раздеваясь, легла она на покрывало и не успела еще сомкнуть веки, как первые лучи солнца озарили путь Сен-Палю, стремительно уезжавшему навстречу своим демонам. И одновременно с этим были озарены стены комнаты Жюли, навсегда захлопнувшей дверь для демонов своих. Солнце просыпалось для обоих, но теперь освещало им разные пути.

Она спала крепко, безмятежно и всласть, как бывает только в детстве. Ей снилось, что она, дитя, играет на лугу, что дует легкий теплый ветерок, и другие дети вокруг нее протягивают ей цветы и игрушки, и лишь один мальчик ласково надевает ей на голову венок из белых лилий. Жюли не увидела ни лиц, ни окрестностей – только солнце, теплый ветер, аромат лилий... и уверенные руки автора венка.

Разговор с Луи настолько расстроил ее, а нежный сон, приснившийся после, – успокоил, что утром Жюли вполне была готова к долгому путешествию. Поднявшись, она сама разожгла камин, будто пыталась отогреться от долгой зимы.

Необходимо было собирать вещи, основная часть которых уже была заботливо упакована слугами; оставались личные. Молодая графиня де Леви обвела взглядом комнату: что здесь ее, что принадлежит ей? Письма Луи в тайнике, его портрет – всё содержимое своего тайника, исключая пистолет, который вернулся на свое место, – Жюли собрала и, ни минуты не колеблясь, бросила в огонь. Полыхнув, маленький костер ее прошлого жадно поглотил все признания, обещания и даже высохшие на них слезы молодой графини де Леви, оставив в комнате только запах сгоревших красок и кучку пепла. Лишь портрет Луи сгорел не полностью, будто оставляя за собой право сказать последнее слово. Свежий воздух, ворвавшись в открытое окно, развеял запахи и завершил коварный ритуал: он принес облегчение, словно с портретом графа сгорели остатки смешанных чувств Жюли.

Она была покорна: не было разницы, куда ее отвезут, где оставят.

Теперь сгодился бы и монастырь.

Бежать стало некуда.

Когда графиня де Леви вышла из своей комнаты, ее отец был уже на ногах. Он сухо обменялся с нею приветствиями.

Спустя час фамильная карета с новым кучером, больше похожим на кавалерийского офицера, выдвинулась в направлении Кале. Под стук колес Жюли равнодушно созерцала пейзажи, ничем не интересуясь, не тратя времени ни на чтение книги, которую взяла с собой, ни на еду, ни на впечатления. Она не удивилась тому, что они не сели в поезд. Она обнаружила, что совершенно равнодушна и нисколько не волнуется от предстоящих перемен. Даже пересев на паром, впервые путешествуя так далеко от дома и по морю, графиня де Леви молча спустилась в свою каюту и за всё путешествие не выходила из нее. Ни крики чаек, ни встреча с довольно сносным закатом, ни обед – ничто не смогло заставить ее выйти из своей каюты, ничто не пробудило ее любопытства. Назад во Францию ей не хотелось, в Англии ничто не ждало: Ла-Манш оказался простой лужей, Англия – островом, а вояж – досадным времяпрепровождением.

Всё теперь было с чистого листа и иначе.

Она пока не знала, как.

Глава 2

Англия встретила их дождем и монотонным шумом: порт Дувра был похож на тысячи портовых городков. Граф де Леви спешил. Не останавливаясь в Дувре на отдых, не взяв с собой слуг, сохраняя тайну и внезапность этого отъезда, он указал кучеру путь до Брайдхолла – имени брата, куда вез свою дочь, – и велел погонять.

«Представляю себе, что это будет за компания: унылый дядюшка, недавно похоронивший свою жену, и сводный кузен, наверняка с женой и кучей вздорных детей, с которыми мне и придется проводить время, ведь за молодостью лет и в отсутствие мужа английские нравы не позволят мне присутствовать среди взрослых. Англичане чопорны, спесивы и высоко чтят свой этикет. А сводная кузина еще и примется поучать меня... А еще они все будут искать мне мужа...» – Жюли искренне жалела себя, уныло разглядывая приближающуюся тюрьму. Отец молчал. Он ничего не рассказывал о том, кто живет в Брайдхолле, о том, как долго ей нужно будет там находиться, о том, почему вообще она должна быть там, и тем самым мостил между ними прочную каменную стену, преодолевать которую у Жюли сначала не было сил, а позже и желания.

Неожиданно Брайдхолл оказался красивым имением, полностью оправдывая свое название: старинный замок утопал в яблоневом и вишневом цветении садов, уподобленный венчальному убору невесты. Изобилие белых роз, шиповника и сирени, рассаженных вокруг с завидным мастерством, производило впечатление, что хозяин щедр и наделен хорошим вкусом. Вокруг виднелись ухоженные земли, всюду чувствовалась рука доброго хозяина, с любовью опекающая сам дом и его окрестности. Парк перед замком был подстрижен, выровнен, дорожки посыпаны песком.⁵

Сама усадьба выглядела новой: казалось, что остроконечные башни на флигелях и высокие застекленные окна всего лишь прихоть архитектора, а не тысячелетняя история войн, жизни и смерти его обитателей. Крепким, надежным был сам дом с двумя флигелями, защищающими большой красивый двор от ветра. Изысканная мраморная лестница парадного входа, ведущая к нему гостей в окружении вазонов с цветами, несомненно, была лучшим украшением входа усадьбы, огороженной со всех сторон расшатывающейся каменной стеной, вдоль которой проросли деревья и кустарники с потрясающими цветами. Светило мягкое британское солнце; птицы пели так, как поют они только в начале мая; и лишь дворецкий, в нарушение всех традиций выбежавший навстречу их экипажу один, с черной широкой повязкой на рукаве, довольно сильно искажал картину всеобщего праздника жизни слишком мрачным и тревожным выражением лица.

Встревожился и граф де Леви; не дожидаясь, пока карета полностью остановится, он на ходу открыл дверь и почти выпрыгнул навстречу. Кучер лихо остановил карету и тут же вырос у двери, открывая дверцу для Жюли и откидывая ступеньку для выхода.

Дворецкий почтительно склонил голову:

– Добро пожаловать в Брайдхолл, милорд.

– Что случилось, Джеймс? На тебе нет лица, – встревоженно спросил граф де Леви, несомненно знающий этого дворецкого давно.

– Милорд скончался, сэр.

Граф де Леви замер. Видно было, что он поражен этой новостью, – это рушило всё, и его планы тоже. Жюли было доподлинно известно, что брата отец всегда очень любил, хоть океан и разлучил их на долгие годы. Они вели крайне редкую переписку, делясь своими новостями

⁵ Bryde – невеста (англ)

сухо, во многом из-за службы одного из них в тайной канцелярии. Ей очень захотелось, чтобы это событие, несомненно печальное, привело к тому, чтобы они вернулись обратно, в Париж.

Но графу де Леви нужно было сначала прийти в себя. Машинально подал он ей руку, помогая выйти из кареты, и повернулся к дворецкому:

– Как? Когда? Что случилось?

– Внезапно, сэр. Завтра похороны. Он так ждал вас с леди Джейн! Сэр Генри написал вам, но вы были уже в пути.⁶

– Генри... Латаймер, граф Олтон? Сын Элизабет?

– Да, милорд; он распоряжается приемом родственников и похоронами. Я принесу ваш багаж. Ваши комнаты готовы, вас ждут.

В рассеянности граф де Леви поднялся в дом, нисколько не беспокоясь о Жюли и своих вещах. Его дочь была вынуждена последовать за ним, стараясь не заблудиться в незнакомом доме.

Жюли было немного жаль дядю, но она видела его всего несколько раз в жизни и помнила немного. Это был очень добрый человек, так неожиданно для всей семьи перебравшийся за океан, приумноживший свое состояние и мечтавший о дочери. Бог не дал ему своих детей в браке с вдовой Элизабет, баронессой Латаймер, вдовствующей графиней Олтон, но подарил приемного сына, который в семье воспитывался как родной. Элизабет не стало пять лет назад, и граф де Леви – старший бросил выезды в свет, передал все дела пасынку и вел уединенную жизнь в воспоминаниях, прогулках и небольшом, но регулярном количестве бренди. Он решительно взялся принимать участие в судьбе Жюли, которую дворецкий на английский манер называл «леди Джейн», и ждал ее приезда, чтобы согреть у семейного очага. Своего младшего брата граф Леви – старший знал хорошо: тот никогда не находил удовольствия в семье, в отличие от дел государственных, и, став вдовцом, тяготился своей участью родителя. Жюли выросла в любви нянь и гувернанток, а цену наемной, оплачиваемой любви знает весь свет. Дядя приготовил для нее лучшую спальню, штат новых служанок, компаньонку преклонных лет из бедных родственников, библиотеку и новый рояль.

Жюли искренне постаралась вспомнить какую-нибудь молитву из монастыря, сообразно случаю, неожиданно почувствовав себя в Брайдхолле почти как дома. Это неуловимое ощущение покоя графиня де Леви недоверчиво примеряла, как новое теплое платье, способное уберечь от холодов. «Нет! Теперь я проведу здесь несколько дней, и мы уедем обратно, – возразила она себе. – Всего несколько дней».

Чувство семейного долга все же заставило молодую графиню войти в гостиную, где стоял гроб с телом покойного и собирались его родственники, друзья и соседи. Облаченная в дорожное черное атласное платье, которое оказалось к случаю, Жюли открыла тяжелую дубовую дверь и погрузилась во мрак, наполненный отвратительным запахом ладана с робкими примесями того невыносимого аромата, каким всегда полна комната, где лежит покойник. Окна были плотно занавешены; в гостиной горели свечи, создавая необходимую ситуацию полутьмы. Несколько леди и джентльменов, находящихся внутри, удивленно переглянулись: лицо Жюли не было им знакомо. Девушка ответила на их учтивый поклон, разглядывая гостиную с любопытством: обещанной компаньонки в гостиной видно не было. Поискав глазами отца, она увидела его в стороне с каким-то мужчиной, стоящим к ней спиной. Жюли прошла всю комнату и остановилась так, чтобы отец видел ее. Это положение позволило наблюдать за ними, не привлекая к себе внимания других. Граф де Леви был очень расстроен. Он часто ронял слезы на свой дорожный сюртук и, опираясь рукой на плечо собеседника, говорил то по-английски, то по-французски, то переходил на латынь, но говорили так тихо, что разобрать можно было только отдельные слова. Их погруженность в разговор позволила Жюли немного

⁶ Английское произношение имени Жанна – Janna (фр) =Jane (англ)

рассмотреть собеседника отца. Стоя вполоборота, он выглядел лет на тридцать – тридцать пять, был высокого роста и статно сложен. Его черты скрывал сумрак, можно было лишь догадываться о его внешности, но одно было очевидно: собеседник отца не меньше него разбит горем. За весь разговор с графом де Леви он после почтительного поклона несколько раз бросал взгляд на Жюли, из-за чего она немного смущалась и опускала глаза в пол. Это смотрелось вполне естественно, так как ранее она никогда не занималась подобными упражнениями и стеснялась впервые. Всё в графине де Леви неожиданно смешалось, и она не находила тому причины или не желала признаваться, что всё это делает своим вниманием к ней собеседник отца. Искренне удивившись тому, что так волнуется в присутствии незнакомого человека, Жюли решила вообще не смотреть на него. На всякий случай. Интересно, где все ее новоиспеченные родственнички?

Вскоре граф де Леви закончил разговор и, молча взяв ее за руку, вывел в холл. Там он смог заговорить, но голос плохо слушался его и был охрипшим:

– Мадемуазель, вы, вероятно, думали, что это трагическое событие помешает вам остаться здесь?

– Да. Разве нет?

– Вы останетесь в этом доме. Ваш кузен выполнит то, что обещал мне мой брат, и позаботится о вас.

– Значит ли это, что вы снимаете эту обязанность с себя?

– Я выполняю ее, мадемуазель. Во Франции беспокойно, в Европе тем более. Сейчас вам необходимы покой и безопасность, я дал вам и то и другое... Я представлю вас вашему кузену. Слушайте его не только как брата, но как Самого Господа Бога, ибо только он побеспокоится о вас на этой стороне Ла-Манша.

Граф де Леви вернулся в гостиную и через мгновение вышел со своим собеседником, так приглянувшимся Жюли. Она с интересом взглянула на него, чтобы при свете рассмотреть предмет, так занимавший ее в последнюю четверть часа. Вот, значит, кто ее новый тюремщик и благодетель в одном лице! Что ж, были здесь и ямочки на щеках, так нравившиеся Жюли в мужчинах, и глаза. Голубые яркие, лучистые глаза. Она, старательно рассматривая кузена из-под ресниц, подумала, что есть что-то в этих глазах, где плещутся черти... Странно знакомые черты...

– Милорд, это графиня Жанна-Гиацинта де Леви, ваша кузина. Мадемуазель, это сэр Генри, барон Латаймер, граф Олтон, ваш кузен.

Учтивый поклон кузена привел его взгляд к ногам Жюли. Время как-то необъяснимо замедлилось. Кузен выпрямлял спину не торопясь, снизу вверх поднимая глаза на нее, скользя взглядом по ее платью. Жюли в первый раз в жизни порадовалась тому, что воротник закрывал всё и половину шеи. Пауза начала затягиваться, и нужно было продолжать разговор...

Их взгляды встретились.

«Красивый мужчина!» – невольно подумала Жюли и словно отголоском своему немому возгласу услышала «... красивая женщина!» – и мистер Олтон смущенно отвел глаза. Оба замерли в удивлении от произошедшего, и когда кузен решительно взглянул на нее снова, Жюли показалось, что в них двоих попала молния...

Он был красив; это очень ее смущало. Он был ее кузеном – это смущало вдвойне... Они стояли у гроба его отца. Не место и не время было для таких пожаров во взглядах. Невозможным было то, что из смерти может родиться нечто новое, и в то же время так происходило и происходит всегда. Но что-то толкнуло Жюли в грудь слева, будто сердце пыталось сбежать, и она замерла, вдруг услышав, как оно стучит. А этот дьявол в трауре стоял, удивленно глядя на нее, и тоже молчал. И лишь родители остаются слепы, когда что-то происходит с их детьми, – граф де Леви просто продолжил говорить:

– ... граф Олтон любезно согласился взяться за дело, предназначенное его отчиму, упокой Господи его душу.

– Я прошу милорда принять мои соболезнования по поводу постигшей его утраты. – Голос Жюли был тих и смиренен, взгляд – полуопущен, а английский, на котором она говорила, – безупречен. – Надеюсь, ваш отец в лучшем месте и будет покоиться с миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.